

Является ли преподобный Токио Йокои тем самым монахом, которого Таката упоминала в своей истории?

Др. Йойан Йонкер

Версия - октябрь 2025-го года

1. Реферат.....	1
2. Введение	1
3. Воспоминания и переосмысление: Рассказ Такаты о возникновении Рэйки	3
4. Настоятель? Нет, не настоятель!	3
5. Языковые проблемы, возникающие при переводе с японского на английский язык	4
6. Что написано на мемориальном камне?	5
7. Фрагменты повествования Такаты.....	6
8. Заключение	14
Список рекомендованной литературы	16

1. РЕФЕРАТ

Многие Рэйки практики знают историю, рассказанную Хавайо Такатой, о ретрите Усуи на горе Курама (название Корияма можно также произносить как Курама) и о его встрече с «дзэнским настоятелем». В этой статье более подробно рассматривается эта часть истории и задаётся вопрос, кем же на самом деле мог быть этот учитель. В японском языке слово, часто переводимое как «настоятель» (住職 *jūshoku*=*дзюсёку*), может также означать «учитель» (師 *shi*=*си*), что открывает перед нами новые возможности. Одно из предположений заключается в том, что эта история может отражать также жизнь преподобного Токио Йокои, христианского священника и учителя, который жил в одно время с Усуи. Вместо того, чтобы подвергать сомнению историю, рассказанную Такатой, мы можем показать, что эта связь демонстрирует нам, что Рэйки возникло из нескольких традиций одновременно: здесь можно увидеть и дзэнские образы, и христианское влияние, и влияние более древних японских горных практик. Понимание этих слоёв помогает нам признать, что корни Рэйки являются и духовными, и универсальными.

2. ВВЕДЕНИЕ

Рэйки, метод комплементарной и альтернативной медицины, наиболее известный своей практикой возложения рук, характеризуется тем, что, возникнув в Японии, он распространился по всему миру.

Обычно утверждается, что существует один единственный основатель этого метода, Микао Усуи (1865–1926), который создал его в 1922-ом году, и не объясняется, что именно сподвигло его на это или кто именно вдохновлял его до этого времени. Для учёных, работающих в таких областях, как религиоведение и антропология, эта история всегда выглядела неправдоподобной, со множеством пробелов и нелогичных элементов. В академической среде считается общепринятым то, что религии и духовные практики всегда являются продуктом сближения и взаимодействия различных школ мысли и отдельных личностей; связаны с *духом времени*, геополитическими влияниями и так далее.

В 2023-ем году была выдвинута теория о том, что в развитии Рэйки принимал непосредственное участие второй человек — преподобный Токио Йокои (1857–1927), что ставит под сомнение предположение о единственном основателе (Лэтэм 2023, Йонкер 2024). В новой альтернативной версии Йокои рассматривается как «тот, кто стоял у истоков» этого метода до 1922-го года, а Усуи — как «публичное лицо» Рэйки после 1922-го года. Йокои и Усуи жили в непосредственной близости друг от друга,

что делает исторически правдоподобным их знакомство и даже возможную дружбу (Йонкер 2024, 2025). Однако на сегодняшний день нет конкретных документальных свидетельств того, что они действительно были знакомы.

Именно Хавайо Таката (1900–1980) распространила эту практику за пределы Японии и способствовала её укоренению на Западе. Родившись на Гавайях в семье японских иммигрантов, Таката отправилась в Японию в середине 1930-х годов, где познакомилась с Рэйки благодаря Чуджиро Хаяши, который обучался непосредственно у Микао Усуи. После лечения и обучения этому методу она вернулась на Гавайи и начала практиковать и преподавать Рэйки, в итоге инициировав двадцать двух или более Мастеров Рэйки. Благодаря своей устной передаче этой практики, публичным демонстрациям этого метода и обучению нового поколения практиков, Таката превратила Рэйки из малоизвестного японского целительского искусства в практику, известную во всём мире.

Поскольку Таката была первой, кто представил Рэйки западной аудитории, она также должна была переводить японские термины на английский язык и толковать их. Таким образом, она не только передала практику Рэйки людям на западе, но и сформировала то, как эта практика будет пониматься и помниться за пределами Японии. Однако та форма, которую она придала Рэйки, неизбежно оставляет место для вопроса о том, сохранилось ли наиболее точное понимание этой японской духовной практики эпохи Тайсё при её трансформации в западную целительскую практику. Это открывает путь к дальнейшему обсуждению этой темы, и лингвистические нюансы и исторический контекст становятся решающими факторами для оценки того, как рассказывалась История Рэйки.

В этой статье выдвигается гипотеза о том, что Йокои передал знания Усуи в период с 1919-го по 1922-ой год, и что это звучит в завуалированной форме в рассказе Такаты. Исследуется возможность того, что связь между Йокои и Усуи прослеживается в рассказе Такаты, а точнее, в той его части, где Усуи посещает дзэнский монастырь и встречается там монаха. С этой целью мы также рассматриваем выбор значений слов, который Таката должна была сделать при переводе японских иероглифов на английский язык. К сожалению, насколько мне известно, нет архивных материалов, содержащих японские версии рассказа Такаты, датированные 1940-ми или 1950-ми годами, когда она проводила занятия для японского населения Гавайев. Это отсутствие материалов делает ещё более важным переосмысление рассказов Такаты об Истории Рэйки на английском языке, и того, как это повлияло на то, как это запомнили люди.

Для изучения этой возможности в данной статье делается ряд шагов. В разделе 3 *«Воспоминания и переосмысление»* рассматривается рассказ Такаты об истоках Рэйки, и фокусируется внимание на том, как её изложение этой истории повлияло на то, как это запомнили люди. В разделе 4 *«Настоятель? Нет, не настоящий!»* исследуется спорный образ «настоятеля» и показывается, как этот образ вошёл в традицию. В разделе 5 *«Языковые проблемы, возникающие при переводе с японского на английский язык»* более подробно рассматриваются используемые японские термины и говорится о проблемах, связанных с их переводом, что позволяет расширить диапазон их возможных значений. В разделе 6 *«Что написано на мемориальном камне?»* речь идёт о мемориальном камне Усуи, часто считающимся авторитетным источником, и даётся оценка того, как то, что на нём написано, и о чём там умалчивается, влияет на наше понимание. Наконец, в разделе 7 *«Фрагменты повествования Такаты»* подробно рассматриваются те фрагменты истории Рэйки в изложении Такаты, которые переосмысляются в свете данного обсуждения. Такая структура ясно показывает, как лингвистические нюансы, текстовые свидетельства и биографический контекст сходятся, давая возможность задать вопрос о том, может ли «настоятель» в Истории Рэйки в изложении Такаты быть правдоподобным Токио Йокои.

3. ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ: РАССКАЗ ТАКАТЫ О ВОЗНИКНОВЕНИИ РЭЙКИ

Поскольку Таката неизменно упоминает одного основателя, в этой статье рассматривается возможность того, что в повествовании Такаты иногда сливаются в единую историю истории жизни Усуи и Йокои, и эти люди представляются как один человек. Анализ в этой статье основан на аудиозаписи, в которой Таката рассказывает историю Усуи своими собственными словами. Хотя эта запись датируется концом 1970-х годов, сама история содержит в себе рассказы, которые она впервые услышала в 1930-х годах. За прошедшие десятилетия некоторые детали могли измениться, быть переосмыслены или запомнены по-другому. Также вполне вероятно, что Таката сознательно придавала иные смыслы отдельным элементам повествования, чтобы они находили отклик у американской аудитории, начиная с 1950-х годов и до самой своей смерти в 1980-ом году, делая упор именно на те темы, которые были значимы и доступны людям в этом культурном контексте, что, однако, не означает, что она намеренно что-то выдумывала. Признание этого процесса и взгляд на него с состраданием позволяет нам высоко оценить то, что история возникновения Рэйки была и сохранена, и адаптирована к условиям современного мира.

Для начала необходимо поразмышлять над одним из наиболее часто вызывающих споры слов в её повествовании: “abbot” (настоятель).

4. НАСТОЯТЕЛЬ? НЕТ, НЕ НАСТОЯТЕЛЬ!

Хавайо Таката недвусмысленно заявляет, что Микао Усуи обратился к дзэн-буддизму до того, как отправился на свой Ретрит на гору Курама. В 2025-ом году была найдена книга, изданная в 1928-ом году, автором которой является Окуна Shigejiro: *Tenrai no koe* (Окуна Сигэджиро «Тенрай но коэ»), содержащая главу о терапии Рэйки (*Reiki riho*=Рэйки Риохо 靈氣療法). В этом издании говорится, что Усуи консультировался с Мастером дзэн, но монастырь не упоминается.

В своём устном повествовании, аудиозапись которого была сделана в 1979-ом году, и транскрипт которого приведён в книге Элизабет Лэтэм «Самурай – Рэйки Мастер», Таката рассказывает, что Усуи, после безрезультатных поисков ответов на свои вопросы в христианстве и других учениях, посетил дзэнский монастырь и попросил у самого главного монаха разрешения изучать священные писания. Важно отметить, что Таката не использует в этом рассказе слово “abbot” (Лэтэм 2023). В более поздних пересказах истории Рэйки практикующими Рэйки людьми был введён термин “abbot” (настоятель), и именно эти версии рассказа сформировали у нас привычный образ Усуи, которым руководит дзэнский настоятель. Тем не менее, слово “abbot” упоминается в них, как если бы Таката его использовала.

Примечательно, что до настоящего времени этот Дзэн-центр или монастырь остается неидентифицированным учеными и практиками в этой области. Этот пробел не является подтверждением валидности рассказа Такаты в данном конкретном случае. Вместо этого он даёт нам возможность проявить определённую гибкость, которая может позволить нам допустить альтернативное объяснение, а именно, альтернативное место.

Ещё одно свидетельство того, что термин “abbot” (настоятель) был добавлен в историю Рэйки позже другими людьми, содержится в неопубликованной рукописи Такаты, датированной 1975-ым годом. В этой ранней версии проекта своей книги, которая так и не была опубликована, Таката подробно описывает духовные поиски Усуи, рассказывая об его обращении к христианству, изучении буддийских сутр и

санскрита, а также о посте и медитации на горе Курама. Однако нигде в этой рукописи она не упоминает дзэнского настоятеля или монастырь (Таката, 1975, неопубликованный черновик, содержащий отредактированную версию её устного рассказа на аудиозаписи, на транскрипцию которой мы ссылаемся). Отсутствие таких терминов в её самом раннем письменном изложении указывает на то, что мотив «настоятеля» не был частью её первоначальной повествовательной структуры. По-видимому, он вошёл в традицию Рэйки в последующие десятилетия, вероятно, благодаря пересказам Истории Рэйки её учениками или, ещё позже, авторами популярных книг. Это подтверждает вывод о том, что образ «настоятеля» был ретроспективной разработкой, сформированной выбором значения слова “abbot” переводчиком и существующими на западе ожиданиями, что учителем Усуи должно было быть авторитетное лицо в буддийской традиции, а вовсе не человеком, о котором рассказывала Таката.

Теперь, когда зашла речь о термине “abbot”, мы можем внимательнее рассмотреть язык, используемый в рассказе Такаты. В частности, японские слова в оригинале также могут быть переведены как «учитель» или «мастер», что открывает новые возможности для понимания того, что могла иметь в виду Таката.

5. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ЯПОНСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Японская терминология открывает перед нами ещё один уровень интерпретации. Английское слово «abbot» чаще всего переводится на японский язык как 住職 (*jūshoku*=дзюсёку), главный священнослужитель буддийского храма. Однако в японских версиях истории об Усуи это слово используется редко. Вместо этого чаще применяются такие термины, как 師 (*shi*=*си*, учитель), 禪の師 (*zen no shi*=дзэн но си, учитель дзэн) или 禪師 (*Zenji*=дзэндзи, мастер дзэн). Смысл этих терминов – это, прежде всего, отношения между учителем и учеником, а вовсе не официальная монашеская должность. Это делает менее очевидным, что человек, о котором говорила Таката, титул которого перевели как «самый главный монах», был настоятелем монастыря; скорее всего, его помнили как уважаемого учителя или духовного наставника. В этом свете «abbot» кажется не точным переводом японского слова, а вестернизированным выбором значения, которое повлияло на то, как стали рассказывать Историю Рэйки.

Как отмечает, в частности, лингвист Кайо Кондо, слово “*shi*”= “*си*” имеет более широкий семантический диапазон и может относиться к уважаемым духовным учителям даже за пределами формальной линии преемственности дзэн (Кондо 2025). Таким образом, английское слово “abbot”, или «самый главный монах», о котором говорила Таката, может быть не буквальным переводом слова “*jūshoku*”= «дзюсёку», а, скорее, переводом слова “*shi*”= “*си*” с более широким кругом значений. В рамках этой интерпретации “abbot” в рассказе Такаты мог быть любым признанным почитаемым учителем, не обязательно дзэнским священнослужителем.

Расширяя смысл этих лингвистических прозрений, можно предположить, что человек, известный нам как дзэнский настоятель или монах, на самом деле мог быть вовсе не храмовым священником, а самим преподобным Токио Йокои.

Более того, после возвращения с *Парижской мирной конференции* 1919-го года, где он был членом японской делегации, Йокои перенёс инсульт. С тех пор и до конца своей жизни он был прикован к постели. Лэтэм отмечает, что после инсульта Йокои часто принимал у себя дома посетителей и учеников, продолжая заниматься своими богословскими размышлениями и частным обучением. Некролог Йокои подтверждает, что он продолжал принимать учеников у себя дома до самой своей смерти в 1927-ом году. Таким образом, его резиденция вполне могла функционировать как «центр» (宗教センター *shūkyō sentā*=сюкё сента или 教会 *kyōkai*=кёкай), позже упомянутый в рассказе Такаты как «храм» (寺 *tera*=тэра) или «монастырь». В таком месте роль Йокои как уважаемого учителя, естественно,

выражалась бы с помощью термина 師 (*shi=ci*), который Таката или её переводчики, возможно, позже перевели на английский язык как “abbot”. Эта возможность согласуется с положением Йокои: рукоположенный священник, член конгрегации, ректор университета Дошиша и общественный деятель, участвовавший в теологических дебатах о святости и исцелении в Движении святости (Йонкер 2024). Его репутация духовного наставника сделала его именно тем человеком, о котором можно было бы вспомнить в повествовании Такаты — хотя и в контексте буддийской монашеской символики, а не его истинной христианской идентичности.

В заключение можно сказать, что, если термин 住職 (*jūshoku=дзюсёку*) понимать шире как 師 (*shi=ci*, учитель), то это открывает перед нами возможность рассматривать фигуры, находящиеся за пределами монашеской иерархии дзэн, включая таких современников Усуи, как преподобный Токио Йокои, роль которого будет более подробно рассмотрена ниже.

6. ЧТО НАПИСАНО НА МЕМОРИАЛЬНОМ КАМНЕ?

Мемориальный камень Усуи¹, установленный в 1927-ом году, ещё больше усложняет картину. На нём написано, что Усуи «поднялся на гору Курама и практиковал пост и *shugyō=сюгё* (修行) в течение двадцати одного дня, после чего обрёл Рэйки».

Слово “*shugyō=сюгё*” имеет решающее значение. Хотя транскрипции немного различаются — 苦修 (*kushū=кюсю*), 苦行 (*kugyō=кюгё*) или просто 修行 (*shugyō=сюгё*) — все эти термины имеют единый смысл - «аскетический тренинг». Однако в японской религиозной культуре *shugyō=сюгё* — это больше, чем просто общая аскетичность: это стандартный термин для обозначения практики дзэн. В контекстах Риндзай и Сото *shugyō=сюгё* обозначает весь спектр монашеской практики, включая дзадзэнскую медитацию, пение мантр, переписывание сутр, труд (*samu=саму*), соблюдение ритуалов и храмовую жизнь в целом (именно об этом пишет Вогур 2008). Неофитов даже называют *shugyōsō=сюгёсо* (修行僧, монахи, занимающиеся тренингом) (Heine 2008).

Таким образом, когда современники или более поздние толкователи читали о том, что Усуи занимался *shugyō=сюгё*, для них было естественно связать его практику с дзэн.

Это помогает объяснить, почему Таката охарактеризовала период до просветления Усуи в терминах дзэн: сам язык того, что написано на мемориальном камне, указывает на практику дзэн. Однако *shugyō=сюгё* не является исключительным понятием, используемым только в дзэн. Это также центральный термин в традициях Тэндай и Сюгэндо, тесно связанных с горой Курама. Последователи Сюгэндо также описывали горные аскезы как *shugyō=сюгё*. Таким образом, этот термин на мемориальном камне находится на семантическом «перекрестке»: он является достаточно широким, чтобы включать практики Тэндай и Сюгэндо, но в Киото начала XX века, где дзэн был широко распространён, он также воспринимался как термин, используемый в дзэн.

Здесь можно снова озвучить нашу гипотезу: если на камне написано “*shugyō=сюгё*”, а в Истории Рэйки, которую Таката рассказывала позже, речь шла о «дзэнском монастыре, которым руководил настоятель», то, возможно, эти понятия были связаны не исторической необходимостью, а языковой интерпретацией. Использование слова “*shugyō=сюгё*” могло подтолкнуть Такату (или её переводчиков) к дзэнской интерпретации, даже несмотря на то, что фигура, направлявшая Усуи, могла быть вовсе не дзэнским священником, что даёт возможность ввести в повествование Йокои.

---

¹ На момент написания этой статьи достоверность и авторитетность того, что написано на мемориальном камне, находится под сомнением по различным причинам, что требует осторожности при цитировании этого текста (Jonker 2025, Klatt 2025)

В этом свете термин “abbot” Такаты может скрывать за собой более сложную картину реальности. Возможно, она слышала о *shugyō=сюгё* Усуи и, интерпретируя это через призму категорий, известных западной аудитории, перевела термин *shi=ci* как “abbot” (настоятель). Если этим *shi=ci* был на самом деле Йокои — христианский интеллектуал, глубоко погруженный в теологию Движения Святости и исцеления, — то христианские детали, упоминавшиеся в повествовании Такаты (Дошиша, изучение Библии, рукоположение) внезапно встают на свои места. Таким образом, дзэнские термины *shugyō=сюгё* и монастырь могут скорее скрывать, чем помогать обнаружить истинную личность главного учителя Усуи, а также физическое место их встреч: дом Йокои, а не монастырь.

Этот переход от языковых нюансов к материальным свидетельствам имеет решающее значение, поскольку мемориальный камень Усуи содержит самое раннее письменное описание практики Усуи, и долгое время именно оно определяло наше понимание Ретрита Усуи — однако, как показывают недавние исследования, авторитетность того, что написано на камне, оспаривается, поскольку в этом тексте опущены ключевые христианские элементы биографии Усуи, и жизнь Усуи переосмысливается в соответствии с духом эпохи Тайсё (Йонкер 2025).

7. ФРАГМЕНТЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ ТАКАТЫ

С учетом всех этих новых идей и предпосылок, некоторые фрагменты транскрипции рассказа Такаты могут быть пересмотрены и переосмыслены. Для этого мы используем неотшлифованную версию, которая приведена в книге Лэтэм «Самурай – Рэйки Мастер» 2023-го года.

На следующий день доктор Усуи начал оформлять визу, выбрав Америку, и когда всё было готово, он сел на корабль, а затем на поезд, и поступил в Чикагский университет. Он изучал философию, но прежде всего он хотел изучать христианство и Библию. Когда он отправился на учебу в Америку, он обнаружил, что Библия и то, чему его учили в христианской школе, идентичны, учения одинаковы, и он не нашел в христианской Библии, даже учась в Америке, формулы исцеления, оставленной Христом. Таким образом, находясь в этом университете, где изучали разные философские идеи, существующие в мире...

Возможно, «Чикаго» и философские идеи могут иметь отношение к Йокои. Он был представителем Японии на конгрессе *Всемирного Парламента религий* в Чикаго в 1893-ем году, где были представлены все религии, существующие в мире (Йонкер 2024). Примечательно, что там Йокои говорил о японском буддизме, что свидетельствует о том, что в то время он был ведущим экспертом в этой области в Японии. Это делает правдоподобным то, о чём рассказывает Таката.

... он углубился в изучение других философских течений. Он изучал индуизм, зороастризм и, конечно же, религию в целом. Когда он обратился к изучению буддизма, он обнаружил отрывок, где говорилось, что Будда исцелял слепых, больных туберкулезом и проказой, возлагая на них руки. Узнав об этом, он сказал: «Мне следует продолжить изучение буддизма и выяснить, оставил ли Будда какую-либо формулу исцеления».

Возможно, и здесь речь идёт о Йокои. В более ранних публикациях (Лэтэм 2023, Йонкер 2024) упоминается, что после конгресса 1893-го года Йокои отправился в Йельский университет, чтобы поступить на факультет богословия, где он действительно изучал эти религии. После этого, в 1890-х годах, он основал Гаккай (общество), исследовательскую группу по сравнительному религиоведению, первую в своём роде в Японии. Также в 1903-ем году он посетил Индию, а в 1904-ом году

читал лекции о религиях, существующих в Индии, включая буддизм. Здесь слова Такаты снова можно истолковать как вплетение в рассказ о поисках Усуи рассказа об академическом путешествии Йокои, о котором свидетельствуют найденные документы.

Он прибыл в Киото, где жил раньше, и посетил все великие монастыри, (...)
...он начал с самого большого храма, син....

Слово «син», упоминаемое в рассказе Такаты, наиболее вероятно указывает на *Myōshin-ji* 妙心寺 (*Мёсин-дзи*), крупнейший комплекс Риндзай-дзэн в Киото. Если принять это за чистую монету, то встреча Усуи с учителем происходит в обстановке монастыря, что подкрепляет версию о «дзэнском настоятеле» (住職 *jūshoku*=*дзюсёку*). Однако это не исключает возможности того, что эта историческая встреча произошла в другом месте, как упоминалось ранее, в доме Йокои. Когда Таката позже рассказывала эту историю на английском языке, превращение дома Йокои в большой храм, подобный Мёсин-дзи, сделало бы обстановку этой встречи более узнаваемой и придало бы этим людям больший авторитет в глазах её аудитории. Таким образом, упоминание «син» в повествовании не обязательно противоречит гипотезе о Йокои, а скорее иллюстрирует, как домашнее учебное пространство могло быть ретроспективно соотнесено с престижем самого известного дзэнского учреждения в Киото. Подобное ретроспективное сопоставление показывает, как повествование Такаты может маскировать присутствие Йокои, скрывая его под буддийскими образами.

...и когда он прибыл туда, он встретил монаха и спросил: «Говорят ли в буддийской Библии или в сутрах, пишут ли в сутрах, что Будда исцелял, написано ли в сутрах, что Будда исцелял проказу, туберкулез и слепых, возлагая руки?» И монах ответил: «Да, об этом написано в сутрах».

Йокои, безусловно, смог бы дать ответ на эти вопросы; и вот два варианта его возможного ответа.

(1) Он мог бы рассказать Усуи о Будде Бхайшаджья-гуру (о Будде Медицины, которого также называют Яосифо, Якуси Нёрай). Как пишет Айронс (2008), этот Будда является символом целительского аспекта просветленного существа. Подобно Амитабхе, он пребывает в Чистой Земле. Изображение Будды Бхайшаджья часто встречается вместе с изображением исторического Будды Шакьямуни и Амитабхи в триаде, где он сидит слева от Будды Шакьямуни. В правой руке он часто держит фрукт, символ исцеления. Сутра о Будде Бхайшаджья, которая сегодня существует только в тибетской и китайской традициях, повествует о том, как Бхайшаджья, тогда известный учитель (гуру), принимает 12 обетов, включая наставление всех существ на путь Махаяны и исцеление их от всех болезней. Эта фигура представляет интерес, поскольку ему поклоняются как Будде, но в равной степени помнят его за его обеты Бодхисаттвы, которые он стремился исполнить, прежде чем стать Буддой. Такой ответ содержал бы в себе такие понятия, как целительство, сутры и Чистая Земля — все эти концепции связаны с историей Рэйки.

(2) Аналогично, Йокои мог бы рассказать Усуи о «Сутрах Иисуса» (Саэки 1937, Палмер 2001, Бейс 2012, Лэтэм 2023; Йонкер 2024). Говоря об идеях этих авторов и делая из этого общий вывод, можно сказать, что «Сутры Иисуса» (景教經典, *Jingjiao Documents*=*Документы Дзиндзяо*) — это древние христианские тексты, привезённые в Китай Церковью Востока во времена династии Тан после более ранних богословских конфликтов, которые имели

место на Никейском соборе (325 г. н.э.)². Эти тексты примечательны тем, что для описания христианской теологии в них используется китайский космологический язык: Святой Дух переводится как 靈氣 *lingqi*=*Линци*, что в данном случае означает «нуминозное дыхание» или «священная жизненная сила». Этот языковой выбор установил концептуальный мост между христианской пневматологией и китайскими представлениями о космическом духе, существовавшими за многие столетия до возникновения Рэйки. Позднее копии этих сутр распространились в Восточной Азии и сохранились в Японии, в местах, где выполнял своё служение Токио Йокои. Сутры Иисуса подчёркивают, что чистота ума и сердца должна предшествовать физическому исцелению (Палмер, 2001), и это учение тесно перекликается со взглядом Движения Святости на необходимость обрести внутреннюю святость, что является ключом к божественному исцелению. Ставя знак равенства между Святым Духом и *Линци*, эти ранние тексты показывают, что связь между духовным преображением, нуминозным дыханием и исцелением имеет глубокие исторические корни в синосфере (Восточно-азиатской культурной сфере). Йокои, как образованный христианский священник, знакомый как с западной теологией, так и с азиатскими традициями, мог легко опираться на эти идеи, направляя Усуи, и тем самым укреплять концептуальную связь между древней христианской теологией, где использовался термин *Линци*, и современным на тот момент японским пониманием этого термина 靈氣 (*Рэйки*).

Примечательно, что одна из рукописей *Jingjiao*=*Дзиндзяо*, известная как *Kojima B* =*Кодзима В*, хранилась в библиотеке университета Дошиша в Киото. Дошиша — это учреждение, где Токио Йокои занимал пост ректора и оказал значительное влияние на своих учеников, благодаря чему материалы «Дзиндзяо», в которых используется понятие «Линци» (靈氣) для обозначения Святого Духа, стали доступны людям, находившимся в непосредственном интеллектуальном окружении Йокои. Эта связь усиливает вероятность того, что Йокои, как христианский интеллектуал, знакомый как с западными, так и с восточноазиатскими религиозными традициями, был знаком с «Сутрами Иисуса» и их концептуальным единством между христианской пневматологией и китайской космологией.

Он спросил: «Вы овладели этим искусством? Вы можете это делать?» И монах ответил: «В буддизме считается, что физический план очень важен, но мы при этом также считаем, что храмы и священнослужители нужны для того, чтобы помогать людям развивать свой ум. Мы хотим сначала привести умы людей в порядок, чтобы люди стали более духовными, проявляли больше благодарности и познали всё, что связано с жизнью. А здесь у нас храм, и у нас, монахов, нет времени на то, чтобы заниматься физическим планом, мы занимаемся духовным ростом; исцелить человека на духовном уровне — это главное».

Ответ этого «монаха» (Йокои) соответствует тому, что мы знаем сейчас о Йокои и концепциях Движения Святости. Пересказывая то, что было опубликовано нами ранее (Йонкер 2024), можно отметить, что Движение Святости, возникшее в результате поиска возможности возрождения апостольского христианства,

---

² Первый Никейский собор был созван в 325 году н. э. римским императором Константином. Он принял Никейский Символ веры, и этот текст стал авторитетным источником, в котором была сформулирована доктрина о Троице — Отце, Сыне и Святом Духе, ставшая основой православного христианства. Для японских богословов, таких как Токио Йокои, это соборное определение представляло собой наложение греческих философских идей на библейское послание, и они стремились, отказавшись от этой доктрины, возродить более прямое, практическое христианство, свободное от метафизических абстракций (Йонкер 2024).

подчёркивало важность обретения святости, непосредственно пережитого опыта связи со Святым Духом и божественного исцеления, *iyashi=ияси* 神癒. Японские христиане, находившиеся под влиянием этого движения, подчеркивали, что внутренняя чистота и преображение сердца должны предшествовать физическому исцелению, отражая описанный в теологии порядок: сначала обретение святости, затем исцеление. Токио Йокои, разделявший этот подход, искал способы адаптировать опыт «Крещения Святым Духом» и его целительные эффекты к японскому контексту. Этот приоритет чистоты ума и духа, которую необходимо обрести перед тем, как восстанавливать физическое тело, нашёл своё выражение в понимании исцеления в Движении Святости, а впоследствии нашёл отражение в таких практиках, как Рэйки.

Наконец, он изучил это в дзэнском храме. Когда он подошёл к этому храму, то позвонил в колокол, и вышел маленький мальчик-служитель. Он [Усуи] сказал: «Я хотел бы поговорить с самым главным монахом этого величественного храма». Он [мальчик] сказал: «Пожалуйста, войдите. Кто вы?» И тот ответил: «Меня зовут Микао Усуи. Я хотел бы изучать буддизм, поэтому хотел бы встретиться с монахом».

Как уже упоминалось выше, Йокои был экспертом в буддизме и, безусловно, не нуждался в его изучении. Усуи же, по-видимому, достиг такого уровня, когда он решил, что может найти ответы на свои вопросы в буддизме. Повествование Такаты продолжается:

«Верят ли последователи дзэн в исцеление?» — спросил он. — «Да, мы верим. В сутрах написано, что буддисты и Будда занимались исцелением недугов, и поэтому в буддизме есть такое понятие как исцеление». — «А можете ли Вы исцелять физическое тело?» — спросил он. — «Пока нет». — «Что Вы имеете в виду, говоря «пока нет»?» — спросил он. — «О, мы, монахи, очень, очень заняты, мы читаем лекции и проповедуем для того, чтобы ум был настроен на духовный уровень. И мы хотим улучшить ум, прежде чем заниматься физическим уровнем». — «А как же вы собираетесь заняться физическим уровнем?» — спросил он. — «Это к нам придёт, мы не потеряли надежду, хотя у нас этого ещё нет. Поэтому молитва во время рецитации сутр очень важна в нашей вере, она сильнее, чем когда-либо, и мы это не утратили. И когда-нибудь, во время наших различных медитаций, мы получим этот Великий Свет, и тогда мы это познаем. Тогда мы поймём, что мы к этому готовы, и не надо отчаиваться, мы стремимся к этому, но знаем, что ещё не достигли этой цели. Но прежде, чем медитация закончится, и прежде, чем я совершу переход, я уверен, что все мы обретём просветление, и мы сможем это делать».

Интересная часть ответа — «до того, как я совершу переход». В тот момент своей жизни Йокои перенес инсульт и, возможно, хорошо осознавал, что его смерть не за горами, и, вероятно, задавался вопросом, сможет ли он завершить свой поиск возможности исцеления до собственной смерти.

И он сказал: «Большое спасибо». Он спросил: «Могу ли я войти и остаться здесь, чтобы изучать все ваши секреты? И я хотел бы послушать ваши лекции по буддизму...»

В этом отрывке Усуи признаёт в человеке, с которым разговаривает, своего учителя и просит его поделиться всеми своими секретами и знаниями буддизма. Очевидно, что Йокои обладал соответствующими качествами. Идея прийти и остаться также может быть истолкована как просьба разрешить ему чаще навещать Йокои в контексте обучения.

...потому что я был христианским священником, и я верю в христианскую Библию, и я искал везде, но так и не смог найти никакой формулы исцеления, хотя я верил, что Христос делал это, и я до сих пор в это верю».

В этом отрывке мы можем услышать о части жизни Усуи в годы, предшествовавшие 1919-ому году, и о которой ещё не шла речь. Из автобиографии Усуи, датированной 1904-ым годом, найденной в 2025-ом году, нам стало известно, что он несколько лет работал в христианских миссионерских школах. Он работал на Тайване до 1911-го года, и где-то в период с 1911-го по 1919-ый год Усуи, должно быть, заинтересовался целительством и, вполне возможно, изучал христианские источники. Однако утверждение о том, что он был священником, с моей точки зрения, либо является фактом, относящимся к жизни Ёкоки, приписанным Усуи, что делало Усуи более выдающимся, более достойным уважения, с более высоким статусом, либо это свидетельствует о том, что и Усуи также был священником, в чём я сомневаюсь.

Поэтому, когда он приступил к изучению санскрита, и когда он впоследствии очень усердно этому учился, стремясь овладеть им в совершенстве, он обнаружил формулу исцеления, совершенно очевидную, как Божий день. (...) И он сказал: «Хорошо, я нашёл её. Теперь мне нужно попытаться расшифровать это, потому что это было написано 2500 лет назад, и я не знаю, сработает это или нет, но я должен это проверить, и я это проверю».

Усуи, должно быть, встал на путь поиска, и данный отрывок может отражать этот факт. Возможно, «монах» Ёкоки дал ему наставление читать именно те манускрипты, которые были нужны. Формула, о которой говорит Усуи, могла быть передана ему Ёкоки и быть результатом, к которому в ходе своей работы пришла группа учёных, изучавших феномен «прямой передачи», и в этой работе Ёкоки принимал участие (Йонкер 2024). Эта «формула» может перекликаться с тем, что сейчас называется инициацией или *reiju*=*рэйдзю*, и что считается вратами, открывающими путь к целительству.

Он сказал: «Я не могу гарантировать, переживу я это или нет. Но, если я не сделаю попытку это испытать, — сказал он, — всё будет потеряно. Меня это отбросит на три года назад». Он обсудил это с монахом, и тот сказал: «Да, вы очень смелый человек. Где вы собираетесь это испытать, прямо в этом храме?» Он ответил: «Нет. Я хотел бы подняться в горы», и это место тоже было Киото...

Возможно, Ёкоки понял, что Усуи нуждается в мистическом опыте нисхождения яркого света из духовного мира, подобном тому, что он сам обрёл на горе Ханаока, когда он был юношей 18-19 лет. Это была бы связь с *рэй*, необходимая для выполнения *рэйдзю*.

В этом месте повествования Окуна утверждает, что монах мог бы сказать: «Если ты умрешь, мир изменится» (死せば、世からんと *shiseba, yo karanto*=*шисеба ё каранто*). Это выражение перекликается с дзэнской фразой 大死一番 (*daishi ichiban*=*дайси ичiban*), «одна великая смерть», которая относится не к буквальной смерти, а к радикальному отказу от себя — символической смерти эго, рассматриваемой в дзэн как необходимый прорыв для пробуждения.

Пересказывая и обобщая то, что писал Айронс (2008), можно сказать, что концепция «великой смерти» (大死 *daishi*=*дайси*) занимает центральное место в практике дзэн и является решающим моментом трансформации. Учителя дзэн часто объясняют, что достижение просветления требует от человека прохождения через эту символическую смерть эго со всеми его привязанностями. Фраза 大死一番 (*daishi*

ichiban=дайси ичибан, буквально «одна великая смерть») указывает на полное отпусканье себя, внутренний коллапс заблуждений, который открывает путь к прямой реализации. В этом свете рассказы Такаты и Окуны сходятся, каждый из них вызывает в памяти дзэнскую идею о том, что пробуждения можно достичь только через переживание такой «великой смерти».

...и он отправился на гору Корияма и перед этим сказал: «Я буду испытывать себя двадцать один день. И если я не вернусь вечером двадцать первого дня, то на двадцать второй день с утра пошлите поисковую группу в лес искать моё тело. Я буду мёртв». И с этими словами он ушёл, добавив: «Я буду медитировать без еды, только пить воду».

Решение Усуи подняться на гору Курама для совершения Ретрита в течение двадцати одного дня можно лучше всего понять в свете японских аскетических традиций. Повторюсь, на мемориальном камне Усуи его обучение описывается как *修行 (shugyō=сюгё)*, термин, который в начале XX века в Киото сильно перекликался с дзэнской дисциплиной, но также включал в себя практики Тэндай и Сюгэндо. *修驗道 (Shugendō=Сюгендо)*, «путь горных аскетов», сочетал в себе элементы синтоизма, эзотерического буддизма и даосизма, а его аскетические практики — пост (*斷食 danjiki=дандзики*), уединение в священных горах и молитвенные ритуалы, такие как *加持祈禱 (kaji kitō=кадзи кито)*, — были направлены на обретение откровения и целительских сил (Йонкер 2016, Билер и Йонкер 2020). Рассказы о Ретрите Усуи перекликаются с информацией об этих исконных традициях, особенно рассказ о его готовности рисковать своей жизнью, соблюдая пост, — практика, напоминающая *斷食入定 (danjiki nyūjō=дандзики нюдзё, пост до смерти)*. Таким образом, хотя Таката представляет Ретрит Усуи как его личное испытание, эта практика тесно перекликается с испокон веков существовавшими японскими аскетическими практиками, где физическая аскеза служила вратами к расширению духовных возможностей. Это создало все условия для кульминации - для видения Усуи, которое Таката описывает с поразительными подробностями.

Наконец, наступило утро двадцать первого дня, (...) И тут он увидел в темноте мерцающий свет, размером лишь с пламя свечи. И тогда он сказал себе: «О, это явление очень странное», и добавил: «Но это сейчас происходит, и я даже не собираюсь закрывать глаза, я открою их как можно шире, чтобы увидеть, что будет с этим светом». И этот свет начал очень быстро приближаться к нему. Тогда он сказал: «О, свет! Сейчас у меня есть шанс перестать его видеть или увернуться от него. Что же мне делать?» А затем он сказал: «Даже если этот свет ударит в меня, подобно молнии, и если я упаду на землю, или если я сгорю, то это будет самым лучшим, что может случиться». И он сказал: «Я не собираюсь убежать от него, я встречу с ним лицом к лицу». И когда он встретился с ним лицом к лицу, он начал готовиться к ещё большему и говорить себе: «Давай! Даже если это [?] ударит в меня, то я к этому готов». И тут он расслабился, и, оставаясь с широко открытыми глазами, увидел, как этот свет ударил его в центр лба. [?] «Я установил этот контакт», — сказал он. Он упал назад, потому что сила удара была очень велика. Затем он сказал: «Я умер, потому что у меня нет никаких чувств, я ничего не почувствовал, и мои глаза открыты, но я ничего не вижу», а потом он сказал: «Я не знаю, сколько времени, сколько минут я был без чувств, а теперь я проснулся, и этот свет исчез, но я вижу, что он начинает [?], и я слышу, как вдалеке кукарекают петухи. И я вижу петухов вдалеке, и я знаю, что [?] скоро настанет рассвет». Затем он случайно посмотрел немного вправо и увидел, как с правой стороны от его лица откуда-то вылетели миллионы и миллионы и миллионы пузырьков. И все эти пузырьки были разных цветов, всех цветов радуги. Они танцевали перед ним, а затем начали смещаться влево. Он сказал: «Ещё один

цвет радуги, синий, и вот он движется справа налево», а затем он сказал: «Появился фиолетовый», а затем он сказал: «Появился розовый, и вслед за ним вышел жёлтый», и он считал эти цвета, и их было семь, все семь цветов радуги. И тогда доктор Усуи воскликнул: «О! Это феномен. Я был благословлён сегодня». Затем, наконец, он увидел огромный белый свет, движущийся справа, а потом, словно на экране, все цвета просто стояли прямо перед ним. И вслед за этим он увидел, что то, что он когда-то изучал на санскрите, стало появляться на этом экране, словно вылетая откуда-то слово за словом, и это было написано золотыми буквами, и это сияло перед ним, как если бы эти слова ему говорили: «Запомни!» «Запомни!». И он не просто читал их глазами, а впитывал и впитывал их, и он сказал: «Да!». И, когда одни слова двигались влево, с правой стороны появлялись другие слова, и всё, что он когда-то изучал на санскрите, проплывало перед ним, словно говоря: «Вот оно, вот оно! Запомни, запомни!» И он просто двигал глазами. Он не чувствовал никакой боли, не испытывал никаких трудностей, не ощущал голода или каких-либо страданий. Он сказал: «Я чувствую, что моё тело в полном порядке», и затем все эти явления прекратились, и он сказал: «Я должен закрыть глаза, и пусть во время моей последней медитации мне будет дано видение». И он мог всё ещё видеть все эти светящиеся буквы перед собой. И затем он сказал себе: «Теперь я могу открыть глаза и бросить с горы последний камень», и после этого он сказал: «Я собираюсь встать», и он встал.

В описаниях практики Shugendō=Сюгэндо (修験道) часто делается упор на явления, открывающиеся взору и являющиеся плодом аскезы, совершаемой в горах: практикующие рассказывают о своих встречах с *ками* (神), светящимися существами или о своих откровениях, подтверждающих эффективность их практики. Описание мерцающего света, который увидел Усуи, и который разрастался и ударил, подобно молнии, в его лоб, перекликается с этими традициями, поскольку видения света являются распространённым признаком достижений на духовном пути в горном аскетизме. Однако богатые детали, упоминаемые Такатой в её рассказе, вводят в это повествование отличительный элемент: видение разворачивается в виде «миллионов цветных пузырьков», сияющих всеми цветами радуги и танцующих, вслед за которыми возникают светящиеся санскритские буквы, сверкающие перед глазами. Такая сложная образность превосходит то, что обычно описывается в источниках практики Сюгэндо, где видения, как правило, связаны с более непосредственными проявлениями божеств, духов или космического света. Это позволяет предположить либо то, что то, что пережил Усуи, было необычайно ярким мистическим опытом, либо то, что в более поздних пересказах был сделан упор на символическое измерение в Истории Рэйки, чтобы это соответствовало мотивам эзотерического буддизма и авторитету священных писаний на санскрите.

В своем повествовании 1928-го года Окуна сообщает, что после двадцатидневного Ретрита на горе Курама Усуи пережил момент *靈感* (*reikan*=*рэйкан*), что переводится как «духовное вдохновение» или «чувствительность». Хотя этот термин, по-видимому, не фигурирует как техническая категория в классической буддийской доктрине, он имеет сильный резонанс с интеллектуальной атмосферой Японии эпохи Мэйдзи и Тайсё. Слова *reisei*=*рэйсэй* (靈性 «духовность», «духовная природа») и *reikan*=*рэйкан* (靈感 «духовная чувствительность», «вдохновение», иногда также «экстрасенсорное чувство») стали частью современного дискурса, где выражалось стремление говорить о внутренних, неэмпирических формах опыта как о законных формах обретения духовного знания в противовес научному рационализму и секуляризации. Используя термин «*рэйкан*» для описания прорыва на духовном пути Усуи, Окуна представил это событие не просто как личный опыт видения, а как пример проявления духовной чувствительности, признанной в культуре, поместив Рэйки в то же дискурсивное пространство, что и другие *seishin ryūhō* = *сэйсин рюхо*

- психодуховные терапии начала XX века. Это говорит о том, что Рэйки понималось, по крайней мере современниками Окуны, таким образом, что существующие в буддийской традиции образы могли быть описаны с помощью терминов, используемых в зарождающейся современной японской духовности.

В Японии эпохи Тайсё наблюдалось распространённое явление: основатели новых религиозных движений и духовных практик опускали имена своих учителей в официально принятых повествованиях о возникновении этих практик. Такие лидеры, как Дегучи Нао (Омото), Накаяма Мики (Тенрикё) и Мокичи Окада (Сэкай Кюсэйкё), подчеркивали решающее значение момента своего личного откровения — будь то установление внутренней связи с духом, божественное видение или мистический опыт — а не того, что было передано им другими людьми. Даже когда интеллектуальное или духовное влияние кого-то на их практику возможно исторически проследить, в их публичных рассказах на первый план стратегически выдвигалось божественное происхождение их практик с целью укрепления их харизматического авторитета и для того, чтобы подчеркнуть отличие их движений от устоявшихся традиций. Кроме того, националистический климат и растущее недоверие к христианству делали явное признание христианских наставников рискованным. Помещение своего учения в «местные» культурные рамки было безопаснее, чем ссылка на христианские или иностранные источники. Поэтому исторически правдоподобно, что Усуи ничего не говорил о роли Йокои своим ученикам, включая Хаяши. Это молчание соответствует более широкой нарративной стратегии новых религий эпохи Тайсё и не противоречит влиянию Йокои (Хардакр 1989, Симазоно 1992).

Описывая трансформацию Усуи, Окуна утверждает, что он стал «человеком, который гармонизировал дух Великой Вселенной (大宇宙の霊 *daiuchū no rei*=дайичу но рэй) со своим собственным духом (自己の霊 *jiko no rei*=дзико но рэй)». Эти выражения не встречаются в стандартном буддийском доктринальном словаре, и их нет в *Энциклопедии буддизма* Айронса (2008). Вместо этого они являются зеркальным отражением идиомы (靈性論 *reiseiron*=рэйсейрон, теории духовности), возникшей в Японии эпохи Мэйдзи и Тайсё. Ряд ученых, в том числе, Миядзима Масако, показали, что такие термины как «Великий Дух Вселенной» (宇宙大霊), использовались для обозначения полярности между космосом и индивидуумом, где религиозный опыт предполагал возникновение связи между микрокосмом личности и макрокосмом Вселенского духа. Подобные термины использовались в новых религиозных движениях — таких как «Великая Жизнь Вселенной» Сэйчо-но-иэ (宇宙大生命 *Seichō-no-Ie*), и даже при описании «малой Вселенной» и «Великой Вселенной» в Сока Гаккай. В этом более широком спиритуалистическом контексте и в контексте психодуховной терапии (精神療法, *seishin ryōhō*=сэйшин риохо) описание Окуны позиционирует Рэйки не как эзотерическую буддийскую тайну, а как часть современного дискурса, где речь идёт о гармонизации между индивидуальным «я» и космосом, сопоставляя это с современными представлениями о духовном исцелении и энергии Вселенной. А теперь вернёмся к повествованию Такаты:

(...) Первое, что сказал доктор Усуи: «Как поживает наш дорогой монах?» «О, он страдает от артрита, болей в спине, (...)

Артрит не редкость для людей в возрасте Йокои. Йокои был прикован к постели, а это часто приводит к болям в спине, поэтому эта часть повествования тоже может быть вполне нам понятной.

И он сказал: «Да, и пока я с Вами беседую, я хотел бы положить свои руки на это

шёлковое покрывало», — в то место, где на монахе лежало стёганое шёлковое покрывало. Затем он рассказал ему обо всём, что с ним произошло, начиная с момента, когда он сел и погрузился в медитацию, и до самого утра двадцать первого дня, и о том, что с ним было в тот день. И вот уже поздним вечером монах сказал: «Очень хорошо, очень хорошо, мы ещё поговорим об этом, и дайте мне подумать об этом сегодня вечером. И, кстати, вся моя боль прошла. Теперь я могу спать, я могу сам передвигать печь, моё тело чувствует себя замечательно!»

Это может быть одной из типичных историй о Рэйки, которые люди рассказывают в разных местах и в разное время.

«Я [монах после сеанса Усуи] чувствую, что меня переполняет энергия». И он сказал: «Это то, что вы называете Рэйки». И он сказал: «Да, Рэйки. Мы поговорим об этом подробнее завтра утром после завтрака».

Эти слова Такаты не позволяют нам понять, кто кому говорит: «Это то, что вы называете Рэйки». Моя интерпретация такова: Усуи говорит это Йокои, потому что Йокои, возможно, уже рассказал Усуи о *Линци*, которое Конфуций испытал в момент своего прямого пробуждения (Йонкер 2024), и объяснил Усуи, что его опыт на горе Курама соответствует именно этому опыту; отсюда и слова: «Это то, что вы называете Рэйки».

Итак, доктор Усуи хорошо выспался, и на следующее утро после завтрака первым делом он спросил монахов: «Что мне сделать, чтобы поэкспериментировать с этим?» Они долго обсуждали это, потом пришли другие монахи, и все решили, что лучшее место для экспериментов — это один из очень больших трущобных районов Киото.

Здесь Усуи и Йокои прощаются друг с другом на некоторое время, и Усуи делает свои первые шаги на пути распространения Рэйки. Но, как уже отмечалось нами ранее (Йонкер 2024), Йокои, должно быть, некоторое время спустя помог Усуи тем, что познакомил его с высокопоставленными офицерами Императорского флота, что стало возможным благодаря гораздо более высокому социальному статусу Йокои.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье исследована неоднозначность в повествовании Хавайо Такаты о пути Микао Усуи в Рэйки, в частности, в эпизоде, где говорится о встрече с «настоятелем дзэнского монастыря». Тщательное изучение собственных слов Такаты, её неопубликованных работ и мемориального камня Усуи в Японии показывает, что образ «настоятеля» не так однозначен, как об этом говорится в более поздних пересказах её рассказа. Лингвистические нюансы показывают, что такие термины, как 住職 (*jūshoku*=*дзюсёку*) и 師 (*shi*=*си*), вполне могли быть переведены на английский как «abbot» (настоятель), даже если их значение могло быть более общим, например, «учитель» или «духовный наставник».

Сопоставление этого с биографией преподобного Токио Йокои приводит к новой гипотезе: фигура, ретроспективно ставшая дзэнским монахом или «настоятелем» в более поздних версиях истории Такаты, возможно, на самом деле была самим Йокои. Йокои, священник конгрегации и ректор университета Дошиша, принимал студентов в своем доме с 1919-го года до своей смерти в 1927-ом году после инсульта. Его резиденция вполне могла функционировать как «центр» (宗教センター — *shūkyō sentā*=*сюкьё сэнта* или 教会 *kyōkai*=*кьёкай*), который Таката позже, вспоминая о нём, описывала в буддийском контексте. Христианские элементы в повествовании Такаты — упоминание о рукоположении, Библии и университете

Дошиша — больше соответствуют жизни Ёкои, чем жизни Усуи, что заставляет предположить, что Таката, возможно, объединила или переосмыслила жизни этих двух людей в своем устном обучении. Возвращение Ёкои к явно более христианской ориентации в последние годы своей жизни, возможно, также способствовало снижению значимости христианских элементов в более поздних публичных рассказах об Истории Рэйки, поскольку буддийские интерпретации были более удобными и культурно приемлемыми в Японии 1920-х годов.

В то же время использование на мемориальном камне слова 修行 (*shugyō*=сюгьё) и значимость дзэн-буддизма в Киото начала XX века помогают объяснить, почему Таката могла поместить подготовку Усуи в рамки дзэн-буддизма. Таким образом, её пересказ отражает как особенности перевода, связанные с культурой, так и адаптацию её повествования к западной аудитории. Для западной аудитории изложение истории с использованием дзэнских понятий сделало Рэйки понятным и авторитетным, а для японских слушателей термин *shugyō*=сюгьё естественным образом вызывал ассоциации с дзэн-буддизмом и аскетическими традициями Сюгэндо, связанными с горой Курама.

Взятые вместе, эти аспекты позволяют предположить, что историю Рэйки в ранние годы лучше всего понимать не как творение одного единственного основателя, а как результат слияния усилий нескольких людей — как результат поисков Усуи, переосмысления этой истории Такатой и теологического видения Ёкои. Таким образом, «монаха» можно рассматривать как повествовательную маску, под которой скрываются сплетённые друг с другом влияния христианства, дзэн-буддизма и японской аскетической практики, и которая продолжает влиять на то, как люди вспоминают об истоках Рэйки.

Почему же тогда о роли Ёкои забыли? Ответ кроется в двух совпадающих друг с другом аспектах исторической обстановки.

Во-первых, исследователи японских новых религий давно отмечают, что основатели многих движений — особенно тех, которые возникли в период от эпохи Тайсё до начала эпохи Сёва — описываются как испытывающие «прямое вдохновение свыше», часто слышащие «зов» или получающие инициацию, и воспринимаются как полубожественные или харизматичные фигуры (Эрхарт 1969; Дорман 2012; Баффелли 2023). Рэйки и Усуи, по-видимому, следуют этой модели. Усуи, вероятно, действовал в том же *духе своего времени* - эпохи Тайсё, воздерживаясь от упоминания имён Ёкои, Хаяши или других, чтобы сделать своё откровение более универсальным и избежать привлечения внимания к своим связям с христианством.

Во-вторых, в 1920-х годах христианство в Японии вызывало подозрения, в то время как язык буддизма и синтоизма создавал больше безопасности в общественной среде. Кроме того, возвращение Ёкои к более явно христианской ориентации в последние годы своей жизни сделало ситуацию ещё более деликатной. К моменту смерти Ёкои и Усуи возникла необходимость исключить явные христианские элементы из истории Рэйки.

Несмотря на эти два аспекта, следы христианского влияния сохранились — в устном повествовании Хавайо Такаты, где говорится о «христианском священнике» и «ректоре Дошиша», и в тексте, написанном на мемориальном камне Усуи, в котором о многом умалчивается, и это столь же красноречиво, как и упомянутые там слова. Информация о влиянии Ёкои сохранилась в рассказе Такаты, где биографические и богословские детали сильно отражают его жизнь.

Наконец, более ранние интерпретации, как правило, прослеживали концептуальные корни Рэйки (靈氣) до конфуцианско-даосского космологического понятия *Линци* (靈氣) — нуминозного дыхания, которое, согласно конфуцианской мысли, обретали мудрецы, такие как Конфуций, когда они следовали Пути Небес (天道). Хотя эта

преемственность важна, «Сутры Иисуса» времён династии Тан являются не менее убедительным источником: в этих ранних китайских христианских текстах термин *lingqi*=*Линци* использовался для обозначения Святого Духа, и подчеркивалась важность внутреннего очищения как необходимого условия для исцеления, и тем самым устанавливалась связь между пневматологией, духовным преображением и терапевтической практикой. Для христианского интеллектуала, такого как Йокои, этот китайско-христианский тезаурус стал бы значимым теологическим мостом. Недавнее признание того, что понятие 靈氣 (*reiki*=*Рэйки*) перекликается с раннехристианским использованием понятия 靈氣 (*lingqi*=*Линци*), которое обозначает Святой Дух, открывает важное новое направление исследований. Это лингвистическое и теологическое сближение расширяет генеалогию Рэйки, помещая его возникновение в контекст трансрелигиозной истории Восточной Азии, в которой была установлена связь между нуминозным дыханием, внутренней чистотой и исцелением. Вполне вероятно, что Йокои, обладавший соответствующими теологическими и космологическими знаниями, передавал эти знания в рамках предполагаемых отношений учитель-ученик и передал эти идеи Микао Усуи. Полное исследование этой темы выходит за рамки данной статьи.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА (ПРИМ. ПЕРЕВОДЧИКА: ВСЯ ЭТА ЛИТЕРАТУРА ДОСТУПНА ТОЛЬКО НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

- Baffelli, Erica. 2023. "Fear and the Construction of Minority Religions in Japan". In: *Religion* 53, no. 3.
- Bays, Daniel H. 2012. *A New History of Christianity in China*.
- Beeler, Dori-Michelle, Jonker, Jojan L. 2020. *Reiki Practice and Surrender*.
- Borup, Jørn. 2008. *Japanese Rinzai Zen Buddhism: Myōshinji, a Living Religion*.
- Dorman, Benjamin. 2012. *Celebrity Gods: New Religions, Media, and Authority in Occupied Japan*.
- Earhart, H. Byron. 1979. "The Interpretation of the 'New Religions' of Japan as New Religious Movements". In: *Japanese Journal of Religious Studies* 6, no. 1–2.
- Fueston, Robert. 2017. *The History and System of Usui Shiki Reiki Ryōhō*.
- Hardacre, Helen. 1989. *Shinto and the State, 1868–1988*.
- Heine, Steven. 2008. *Zen Ritual: Studies of Zen Buddhist Theory in Practice*.
- Irons, Edward A. 2008. *Encyclopedia of Buddhism*.
- Jonker, Jojan L. 2016. *Reiki. The Transmigration of a Japaense Spiritual Healing Practice*.
- . 2024. *Tokio Yokoi. From Japanese Christianity to Universal Reiki*.
- . 2025. *Reframing Tokyo Yokoi and Mikao Usui*.
- Klatt, Oliver. 2025. *Gedenksteininschrift bröckelt*. In: *ReikiMagazin* September 2025.
- Kondo, Kayo. 2025. Personal correspondence with Kayo Kondo, Durham University.
- Latham, Elizabeth. 2023. *Samurai Reiki Master: The Story of Usui Mikao and Reiki*, Appendix 2, transcript of Takata's 1979 audio.
- Miyajima, Masako 宮嶋正子. 2022. "近代日本における靈性論 [Theories of Spirituality in Modern Japan]".
- Okuna Shigejirō. 1928. *Tenrai no koe*.
- Palmer, Martin. 2001. *The Jesus Sutras: Rediscovering the Lost Scrolls of Taoist Christianity*.
- Saeki, P. Y. 1937. *The Nestorian Monument in China*.
- Shimazono, Susumu. 1992. *Shinshūkyō to kyūshūkyō* 新宗教と旧宗教 [New Religions and Old Religions].
- Takata, Hawayo. 1975. *Book Takata* (unpublished manuscript).